

**ПЕРЕДНИЙ
КРАЙ**
РАЗВЕДКА
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

**Рейд ценою
в ЖИЗНЬ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Рейд ценою в жизнь / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Передний край. Разведка Великой Отечественной).

ISBN 978-5-04-229779-3

Лето 1941 года. После захвата немцами Ельни образовался опасный выступ, глубоко вдающийся в нашу оборону. Над войсками, защищавшими Вязьму, нависла смертельная угроза. Советское командование приняло решение уничтожить образовавшийся плацдарм. Но для удачной операции нужны точные сведения о противнике. Разведвзвод лейтенанта Глеба Шубина получает задание во что бы то ни стало добыть «языка». Несколько вылазок в немецкий тыл оказались неудачными. Группа то попадала в засаду, то оказывалась под минометным огнем врага. Кажется, удача отвернулась от лейтенанта. Но Шубин не привык сдаваться. В очередном рейде он решил использовать необычный прием...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229779-3

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Письмо от Лиды осталось недочитанным. Игнорировать артобстрел с каждой минутой становилось все труднее. Снаряд угодил в ложбину между траншеями, поднял тучу дыма, забросал засохшей глиной и посеял крупные сомнения в незначительности этой полуденной «разминки». Гремело повсюду. Командир взвода полковой разведки Глеб Шубин сполз по бревнам наката и сунул в карман скомканный лист. Хотелось дочитать, но, видно, не судьба.

Немцы били по навесной траектории через разреженный сосняк. Вступила в бой минометная батарея — видно, решили окончательно измотать нервы красноармейцам. Мины сыпались с пронзительным свистом, он нарастал, становился объемным, вцеплялся в барабанные перепонки — и каждый раз казалось, что летит прямо в тебя.

Снова ухнуло где-то напротив, ясно давая понять, что две мины в одной воронке — это нормально. За воротник посыпалась земля —

вместе с муравьями и прочими представителями местной фауны.

Над позициями 845-го стрелкового полка разносилась площадная ругань. Неподалеку скорчился ефрейтор Серега Герасимов, зажал уши и вычурно выражался. За ним спиной к накату сидел красноармеец Шлыков и шепотью рассыпал махорку в бумажный лист. Руки не дрожали, но лицо было бледным, и жилка на виске становилась предельно выпуклой. Шлыков воевал с первого дня, повидал всякого и теперь был единственным человеком в этой траншее, кто сохранял спокойствие.

— Совсем распоясались, черти... — прохрипел с другой стороны окопа красноармеец Мостовой. Он выплевывал землю. Зачем, спрашивается, рот разевал?

Обстрел не прекращался, немецкая артиллерия вела огонь по площадям, отчего урон был незначительный. Но как же это доканывало! Где-то справа посыпалась земля, обвалился накат, красноармейцы, грязные, как черти, выбирались из-под завала. Главное — живы. А остальное — пусть не слюбится, но хотя бы стерпится. Дрогнула земля, комья глины хлестали, как пули. Один комок отскочил от стенки, выбил у Шлыкова папиросную бумагу с махоркой. Табак рассыпался по коленям. Боец растерянно посмотрел на пустую ладонь и стал устрашающе белым. Тут уж никакой не-

возмутимости не хватит! Шлыков рассвирепел, вскочил, прижался грудью к брустверу и стал опустошать обойму карабина Мосина. После каждого выстрела он передергивал затвор и припадал к прицелу.

— В кого стреляешь, Петр Анисимович? — прокричал Герасимов.

— Тебе какая разница? В кого надо, в того и стреляем!

Обойма, по счастью, оказалась не резиновой. Закончив стрельбу, Шлыков успокоился, сполз обратно и стал отряхивать от земли кисет, содержимое которого большей частью не пострадало.

Петр Шлыков был старшим по возрасту в разведывательном взводе (при этом самым низкорослым), обладал завидной выдержкой, но в случае переизбытка чувств мог и вспылить. Впрочем, благоразумие бойцу изменяло редко.

Противник сегодня действительно разошелся. Но интенсивность обстрела уже ослабла.

Позиции полка заволочло тяжелым дымом. Глеб осторожно приподнялся. Скрюченная поза организму не нравилась. В груди перехватило — старые раны давали знать. Возникло сильное желание вытянуть ноги и в ближайшие часы не шевелиться. Но он справился с позывами, привстал над бруствером. Юморная мысль: да, доказано, что мина дважды в одну воронку все-таки падает. Но делает ли она это трижды?

— Товарищ лейтенант, вы бы не высовывались, — крикнул расположившийся за Мостовым красноармеец Друбич. — Вы же не Змей Горыныч, вторая голова не вырастет!

— Разговорчики в строю... — прорычал Шубин.

Траншея извивалась с запада на восток. Противник в данный момент находился на севере. День выдался ветреным, дым развеивался. Снаряды ложились правее — немцы били в необитаемый березняк, с чего-то решив, что именно там сконцентрированы основные силы полка.

К северу от рубежа метров на четыреста тянулось поле, усеянное белыми шарами одуванчиков, дальше — клочковатая растительность: перелески, группы кустарников, лесистые холмы, облюбованные неприятельскими наблюдателями. Передний край противника был тщательно укреплен. Там, где не хватило мин, немцы натянули изгороди из колючей проволоки, а напротив расположили пулеметные гнезда.

Оборона 845-го полка была эшелонирована. Три линии траншей соединялись ходами сообщений. Блиндажи, землянки, выносные окопы и пулеметные ячейки. За спиной, в леске — вкопанная в землю батарея 45-миллиметровых орудий, еще дальше, в овраге — штаб полка, там же обустроились связисты и са-

перы. На проселочных дорогах стояли замаскированные полуторки.

Взвод разведчиков обитал во второй траншее и даже имел свой блиндаж, которым пользовался редко. На природе было лучше, а при точном попадании блиндажу ничто не мешало стать братской могилой.

Красноармейцы сгрудились в траншее, никто не вставал. Что-то беззвучно шептал здоровяк Антомонов. Украдкой перекрестился красноармеец Кравчик из украинского Мелитополя, смутился, встретившись взглядом с командиром. Поведение допустимое, в окопах не бывает атеистов. Справа образовалась возня, ругались разведчики.

— Багдыров, ты чего, как кошка, под ногами путаешься? — недовольно проворчал светловолосый Бурмин.

— Сильно занят, да? — огрызнулся узбек Багдыров, протискиваясь к командиру. Прижался к накату, стал жаловаться: — Товарищ лейтенант, вот скажите им, какого рожна они стреляют? Чего добиться хотят? Нас позлить? Так мы и так злые, готовы убивать их голыми руками...

Уроженец солнечной республики был невысоким, темноволосым, тонким и жилистым, как стебелек тростника. По-русски частил практически без акцента, имел раскосые, но большие глаза и постоянно улыбался. Он и сейчас это де-

лал, только улыбка была хищной и вряд ли являлась признаком доброго расположения духа.

Прямо по курсу, в районе первой траншеи, взорвалась мина. Там кричали красноармейцы, падали бревна. Кого-то ранило, он заорал благим матом. Из хода сообщения вынырнул санитаринструктор Петровский с красными от недосыпания глазами, устремился к пострадавшему.

Обстрел оборвался, стало подозрительно тихо. Шубин прочистил ухо. Словно пузырь лопнул — мир наполнился органной музыкой, перемежаемой тревожным набатом. Пришлось ударить ладонью по виску, чтобы все переключилось.

— Багдыров, это по твоим заявкам! — засмеялся Бурмин. — Услышали фрицы твои молитвы, обращенные к Аллаху!

— Вот только Аллаха не надо трогать, он тут вообще ни при чем! — выкрикнул Багдыров и обратил перекошенное лицо к командиру: — Все кончилось, товарищ лейтенант? Теперь наша очередь? Обменяемся любезностями?

Но батарея молчала. И в дальнем логу, где размещалась единственная в полку минометная рота, тоже было тихо. Снарядов не хватит отвечать на все эти дерзости. Боеприпасы в полку были на вес золота, их давно не подвозили. У расчетов оставалось по ящику бронебойных снарядов и немного осколочных. Командир полка полковник Рехтин уже осип, доказывая

командованию, что без регулярного подвоза боеприпасов современная война не ведется.

— Нет, мы гордо промолчим, — вздохнул Шубин. — Эй, бойцы, все целы?

Разведчики ответили вразнойбой. Потерь не было. Вторую траншею снаряды миновали. Но впечатленные имелись. Красноармеец Герасимов сидел неподвижно, откинувшись спиной и подогнув ноги. Пилотка валялась под рукой, голова была измазана глиной. Под ее маской выделялись только глаза — большие и неподвижные. Герасимов не шевелился, отрешенно глядя в пространство. Он был похож на пациента психлечебницы, которому ввели обездвиживающий препарат.

— Эй, Серега, вставай, все кончилось! — потряс его за плечо Вадик Мостовой — смысленый кучерявый паренек, имеющий обыкновение носить пилотку на затылке.

Герасимов не реагировал. Товарищ забеспокоился, опустился на колени, взгляделся в глаза.

— Эй, Серега, ну ты чего? — он снова потряхнул боевого товарища. И опять Герасимов не проявил реакции, глаза опустели, смотрели в одну точку. Потом он медленно перевел взгляд на Вадика, разлепил сухие губы и выдавил:

— А ты кто?

Мостовой остолбенел, отвисла челюсть. Он тоже впадал в прострацию. Распрямялись из-

вилины в мозгу. Герасимов меланхолично разглядывал его переносицу.

— Мужики, чего это с ним? — жалобно протянул Мостовой. — Наш Серега, кажется, того, мозгами тронулся...

Герасимов заржал. Мостовой от неожиданности сел в грязь и часто заморгал.

— Да ладно, не серчай, — с плотоядным удовольствием произнес Герасимов. — Я думал, не купишься, а ты купился!

— Вот же гад! — под хохот товарищей взвился Мостовой. — Я ему, как порядочному, помощь хотел оказать...

— Психиатрическую! — засмеялся Друбич.

Разведчики потешались, Герасимов с довольным видом утирал с физиономии грязь. Крутил пальцем у виска лишенный удовольствия покурить Шлыков. Вадим Мостовой махнул рукой и тоже стал посмеиваться. Красноармейцы оправлялись, чистили одежду, глухо выражаясь в адрес одуревших фашистов. Антомонов и Брянцев подняли отвалившееся бревно, хотели пристроить его на место, но оно не держалось. «Молотки найдите, черти, — беззлобно ворчал под нос Багдыров, — само к столбу не прибьется».

По ходам сообщений уже сновали представители среднего комсостава с возбужденными лицами. «Эй, народ, кто видел мою фуражку?» — крутился вокруг себя старший по-

литрук Качков из первого батальона. Спешил со стороны оврага, припадая на подвернутую ногу, полковой комиссар Антипин, цепким (и единственным) глазом озирая пережившие артналет позиции.

— Командирам доложить о потерях!

Потери, к сожалению, были. Несколько бойцов получили осколочные ранения, их ходами сообщения выносили в тыл. Двое передвигались самостоятельно, зажимая раны.

Возобновлять обстрел фашисты не спешили — склады с боеприпасами тоже не резиновые. Красноармейцы восстанавливали поврежденные блиндажи, застучали топоры и молотки. Вычищали траншеи. Кто-то пошутил про баню. Но шутку не поддержали — процесс помывки в последнюю неделю превращался во что-то мифическое. Про стирку и смену нательного белья даже не заикались. Снова началось тоскливое времяпровождение. Разведка в этот час командованию не требовалась.

Во второй половине августа отчаянные бои уже шли на территории РСФСР. 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериана уверенно наступала на Москву. За спиной у немцев остался Смоленск, многие районы Псковской и Калининской областей. Красная армия продолжала пятиться. Части РККА были разобщены, но дрались отчаянно, даже оказавшись в окружении.

19 июля 10-я танковая дивизия вермахта вырвалась на оперативный простор, захватила Ельню — небольшой городок в Смоленской области — и двинулась на Спасс-Деменск. Однако была остановлена упорным сопротивлением обороняющихся частей и перешла к обороне. На линии фронта образовался Ельнинский выступ, глубоко вдающийся в советскую оборону. Он создавал серьезную угрозу на вяземском направлении.

В конце июля — начале августа соединения 24-й армии несколько раз пытались срезать этот выступ и выровнять фронт, но потерпели неудачу. Бои в районе выступа принимали затяжной характер — ни одной из сторон не удавалось добиться перелома. Наносились локальные удары, линия фронта незначительно смещалась, но общий смысл конфигурации не менялся.

21 августа, после провала очередной попытки ликвидировать плацдарм, командующий Резервным фронтом генерал армии Жуков дал указание командованию 24-й армии прекратить атаки и приступить к подготовке более основательного удара.

Немцы не спешили в наступление, наращивали силы на московском направлении. Советское командование тоже без дела не сидело. Напротив выступа создавалась мощная артиллерийская группировка. 303-я стрелковая дивизия, в которую входила часть полковника Рехтина, за-

нимала позиции у южного основания горловины выступа. По замыслу предусматривался прорыв обороны встречными ударами с севера и юга, развитие наступления и окружение противника в Ельнинском котле. Операция готовилась в обстановке секретности, подтягивались резервы. Начало боевых действий планировалось на конец августа, а уже через три-четыре дня предполагалось их окончание, а следом — решительное наступление всех армий на запад.

Сегодня было 24 августа, линия фронта фактически не менялась, стороны обменивались «любезностями» в духе завершившегося артобстрела...

На позициях снова установилось затишье. Артобстрел мог означать что угодно — от простейшего «ничего» до назревающей попытки перейти в наступление. Представители комсовета передавали приказ: никому не расслабляться, готовиться к бою.

Но никаких безумных авантюр сегодня немцы не предпринимали. Лейтенант Шубин пристроился на земляной ступени, достал смятое письмо, расправил. Снова знакомый образ вставал перед глазами, сердце теплое. Он читал очень медленно, некоторые предложения — дважды. Так не хотелось, чтобы письмо кончалось! Строчки, написанные убористым почерком, проплывали перед глазами, образ Лиды Разиной превращался в живого человека. Она

смотрела с грустинкой, как-то растерянно, те-ребила обмусоленный воротник медицинского халата...

Несколько недель назад Лида Разина пере-квалифицировалась из детского воспитателя в медсестру — благо давнее образование позво-ляло это сделать. Сейчас она работала в Вязьме, где районную больницу № 2 переоборудовали в воинский госпиталь. Именно туда свозили тяжелораненых.

В каждой строчке сквозила усталость. У нее все было в порядке, жива, здорова. Но госпи-таль переполнен, персонала не хватало, при-влекали гражданских специалистов — и все равно не хватало. Недостаток мест, лекарств, перевязочных материалов, постоянно перед глазами человеческие страдания, окровавлен-ные внутренности, смерть. Летальных исходов очень много — с легкими ранениями в такую даль не доставляли. И это при том, что актив-ные боевые действия пока не велись. Что же будет, когда опять начнется мясорубка? Но она не жалела, что оставила детей и пошла рабо-тать по специальности. Всем сейчас трудно. А у нее, если вдуматься, не хуже многих. В Вязьме мирная жизнь — пусть город и забит войсками, воздушных налетов немного (си-стема ПВО пока работает), к ней хорошо отно-сятся, по ходу обретает новые знания, а иногда даже удается поспать...

Лида умоляла Шубина беречь себя, не лезть на рожон и при каждой возможности отвечать на ее письма. Да, она понимала, что на фронте времени в обрез, а у разведки — еще меньше, но ведь можно же черкнуть пару строк.

Почему не сделать это прямо сейчас? Но сейчас при себе не было бумаги, карандаша и возможности. Он обязательно ответит. Позднее, вечером. Главное, с Лидой все в порядке, а с ним что сделается? За шестьдесят дней ничего не сделалось, а теперь и подавно. Смерть обходила стороной, гибли другие. Иногда особа с косой касалась его холодным своим дыханием, даже обнимала, прижимала к груди...

Тот рейд по тылам противника прочно впечатался в память лейтенанта. Выявление участка для переправы через Днепр, больше часа восьмером сдерживали подавляющие силы противника у понтонного моста — ждали, пока подойдут обещанные советские части. Отвоевали без потерь — просто чудо!

Благодаря разведке прибывшим вскоре войскам удалось отбить у немцев Соловьевскую переправу, и все, кто оказался в окружении под Смоленском, ринулись в эту лазейку — две армии, многие тысячи гражданских...

Обратная дорога оказалась сложнее. Мальчишки и девчонки в подвале ключинского детского дома на оккупированной территории, две подавленные воспитательницы. Не бросать же этих

беспомощных человечков на произвол судьбы? Разведчики гибли один за другим, выводя детдомовцев. Убили воспитательницу Катю Литвиненко. Сам Шубин едва не пал в последнем бою — откопали без сознания, с тремя пулями в теле, по внешнему виду — вылитый труп. Спасибо Паше Карякину, единственному выжившему из отряда, — если бы не он, давно бы сгнил в канаве.

Очнулся в госпитале, рядом Паша и Лида, больше никого, кроме призрака врача со стетоскопом. Всех детей спасли ценой жизни семи разведчиков... Два дня он плавал в забвении между тем и этим светом, понемногу приходил в себя.

Детей отправили в эвакуацию, Лида осталась, взяли медсестрой. Она не отходила от раненого, чуть минутка — сразу бежала к своему лейтенанту. «Чем он так привязал к себе эту красотку? — недоумевала палата. — Лейтенант как лейтенант. Ладно бы, если капитан или майор».

Не уследила медсестра, поднялся на четвертый день, хотел пройтись — не валяться же трупом, когда страна делом занята! «Лейтенант, не глупи, добром не кончится», — предупредил его лежащий напротив капитан-артиллерист. Но куда там! Каждый считает, что вокруг одни дураки и только он не в счет. Ноги перепутал с руками, голову — со стальной дужкой кровати, о которую треснулся. Прибежали са-

нитары, разгневанная Лида, вернули, как было. А Лида впоследствии прочла лекцию для особо недалеких — что такое хорошо, а что такое плохо. Самое отвратительное, по ее мнению, — не слушаться людей в белых халатах.

Урок не пошел впрок — через день вторая попытка, на этот раз упал так, что швы разошлись. Лида сокрушалась: был бы карцер, обязательно бы изолировала. Майор медицинской службы обещал отдать под трибунал. Глеб же искренне недоумевал: нет такого положения в уставах — судить тех, кто рвется в бой! Украдкой поднимался, ходил — сперва за что-то держался, потом перестал. Съедал все, что давали, просил добавки. Рвался на свежий воздух. Любовь на чердаке была умопомрачительной! На улицу не выпускали, решил схитрить, забрался на чердак — с дальнейшим прицелом на крышу. До неба не добрался — возмущенная Лида догнала его на чердаке, стала что-то втолковывать, слезы стояли в глазах.

Их тела были так близко, так мощно потянуло их друг к другу, что не устояли. Она шептала, когда он стаскивал с нее одежду: «Ты же болен, ничего не получится...» Еще чего! Все получилось. А ближе к вечеру целенаправленно отправились на чердак — еще раз. Лида стонала, льнула к нему, жадно осыпала поцелуями.

С этого дня желание бежать на фронт как-то утихло — аж стыдно стало. Впрочем, какой

из него вояка? Десять дней отлежал в палате, страшная весть облетела госпиталь: немцы прорвали фронт в двадцати верстах от города Быково, завтра будут здесь!

Пашу Карякина он больше не видел — приходил еще разок, потом пропал. Служба, что поделать. Солдат не волен над собой, а таких устройств, чтобы мгновенно передавать солдатские сообщения, в природе не существует.

Обещанной награды и повышения в звании Шубин не дождался — да особо и не ждал. Обещанного три года ждут, а не полторы недели! Госпиталь спешно эвакуировали, раненых на грузовиках свозили к железнодорожной станции, грузили в санитарный эшелон.

Лида металась, как заведенная, с почерневшим лицом. Грохотала канонада — немцы уже входили на западную окраину Быкова. В городе находились только комендантская рота и потрепанный саперный взвод, они отчаянно сопротивлялись, погибли почти все, но на полчаса задержали продвижение противника по городским улицам.

Санитарный эшелон уходил со станции, когда на перрон уже падали мины, пылало здание вокзала.

До Вязьмы, которую не собирались отдавать немцам, было три часа езды. «Мессеры» налетели в чистом поле, накинулись, как драконы на легкую добычу, хотя пилоты прекрасно